

КАК ИЗУЧАТЬ СОЗНАНИЕ?

© 2011 А.Ю.Агафонов

Самарский государственный университет

Статья поступила в редакцию 04.09.2010

В статье рассматриваются возникающие методологические сложности, связанные с изучением феномена осознания. Согласно заявленной позиции, феномен осознания трактуется как факт субъективной очевидности переживаемых в данный момент времени ментальных или психомоторных состояний, в то время как сознание трактуется автором в качестве гипотетической системы психических механизмов. Намечены пути построения теории сознания естественнонаучного образца. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, поддержанного РГНФ (грант № 10-06-00469-а), РФФИ (грант № 10-06-00169-а).

Ключевые слова: проблема определения понятий, сознание, феномен осознания, механизмы сознания, неосознаваемое, бессознательное.

¹ В психологии, наверное, как ни в какой другой науке определению понятий придается, чуть ли не решающее значение, а спор об именах часто подменяет собой спор о самих вещах. Мы до сих пор не имеем традиции номиналистской интерпретации понятий. Функция номиналистских определений в отличие от эссенциалистских, как их дифференцировал К.Поппер, заключается в экономии языковых средств. Другими словами, научное определение должно строиться не слева направо, а, наоборот, справа налево. Как отмечал К.Поппер: «Современная наука начинает с определяющей формулы и ищет для нее краткое обозначение. Поэтому научный взгляд на определение «Щенок – это молодой пес» предполагает, что определение представляет собой ответ на вопрос «Как мы будем называть молодого пса?», а вовсе не ответ на вопрос «Что такое щенок?»¹. Таким образом, если следовать позиции Поппера, решение задачи определения понятия дает единственный выигрыш – краткость научной речи. Термин – это, по сути, заменитель, сокращенный вариант текста, его редуцированная версия, которая используется в рассуждении. Поэтому, вопреки мнению В.М.Аллахвердова, который полагает, что «...о терминах договориться в принципе невозможно»², использование понятия в определенном условном значении вполне может стать результатом принятого соглашения.

Задача определения понятий не столь сложна и, конечно, разрешима, если обсуждению подлежат не понятия и их определения, а вполне конкретные проблемы, соотносимые с самой изучаемой реальностью. (В некотором смысле, научная проблема – это факт, требующий научного объяснения или объясненный неудовлетворительным образом). Еще раз важно подчеркнуть: *следует обсуждать не определения понятий, а требующие решения научные проблемы*. Если достигается согласованное понимание сути проблем, о терминах можно договориться. При отсутствии осознания проблемы, о терминах можно и вовсе не договариваться, т.к. сама по себе договоренность не приращает никакого знания. И уж, конечно, никоим образом не помогает объяснению природы явления, т.е. выявлению его причинных оснований. Но, надо сказать, что для того, чтобы обсуждение было осмысленным, и термины использовались бы инвариантным образом, необходима единая система координат, т.е. теоретическая система, в рамках которой, используемая терминология принималась бы за технический язык, на котором строятся репрезентации и объяснительные схемы. Условность такого языка не должна восприниматься как действительно серьезная проблема, если, опять же, понятия расценивать лишь как удобные обозначения онтологических образований, рассматриваемых в теории (например, феномен осознания) или же гносеологических средств (к примеру, понятия «сознание» или «механизмы сознания»), которыми эта теория оперирует. Таким образом, построение теории сознания и признание научным сообществом ее возможностей: объяснительных, прогностических или же эвристических, является условием скорейшего выхода из терминологического лаби-

⁰ Агафонов Андрей Юрьевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: agafonov@ssu.samara.ru

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 2. – М.: 1992. – С. 18.

² Аллаxвердов В.М. Сознание // Психологический лексикон. Энциклопед.словарь в 6 тт / Ред.-сост. Л.А.Карпенко. Под общ. ред. А.В.Петров-ского. – М.: 2005. – С. 100.

ринга. К тому же, «без всеми признанной теории – как справедливо указывает В.М.Аллахвердов, – психология не может иметь единого предмета»³. И с этим, конечно, трудно не согласиться. Другой вопрос: «Возможно ли признание теории всеми?»

2. Сознание – предмет изучения многих наук и не только гуманитарных. Даже в психологии сознание исследуют с разных позиций. Например, в психофизике и когнитивных исследованиях сознание изучают естественнонаучными методами. В связи с этим, важной методологической задачей является установление критериев, согласно которым определяется научная ценность производимого знания, а также регулируется и регламентируется сама исследовательская деятельность. Для решения этой задачи требуется ответить на вопрос: «Каким методологическим принципам должно отвечать исследование сознания?» или, иначе, «Что в сознании и каким образом можно изучать?»

Стоит отметить, что в последние годы интерес к методологическим исследованиям в психологии заметно возрос. Новое прочтение получают «вечные» проблемы психологии: предмет и методы психологии, интеграция психологического знания, возможность построения единой теории, детерминация психики и др. Появляются и активно дискутируются новые подходы к проблеме построения научно-психологического знания, например, «методологический либерализм» (А.В.Юревич), «гносеологический редукционизм» (В.М.Аллахвердов), «интегративная парадигма» (К.Уилбер, В.В.Козлов), «коммуникативная парадигма» (В.А.Мазилев), «конструктивизм» (В.Ф.Петренко) и др. Однако некоторые из новых методологических подходов предлагаются в качестве парадигмальных для всей психологии, что едва ли является возможным, поскольку психология – гетерогенная наука, в которой не могут быть приняты инвариантные критерии научности без учета конкретных жанров научно-психологического познания. В рамках других подходов декларируется плюрализм исследовательских позиций: пусть растут все цветы, а время рассудит, где розы, а где сорняки. Беда в том, что почва постмодерна может оказаться питательной только для сорняков.

В интеллектуальной истории уже неоднократно предпринимались попытки установить критерии для разграничения научного знания от ненаучного, в частности, антинаучного. В качестве таковых предлагались разные принципы: принцип непротиворечивости, принцип верификации, принцип фальсификации (принцип К. Поппера), принцип конвенциональности (прин-

цип Т.Куна), принцип практической полезности, эстетический принцип, принцип идеализации, принцип простоты и т.д. При этом разные принципы имеют разный методологический статус. Если в естественных науках требование эмпирической проверки теоретических построений является абсолютным, то принципы простоты или практической полезности имеют куда меньшую значимость. Если естественнонаучная теория не находит опытного подтверждения, она, как правило, отвергается. (Хотя теории могут защищаться от опровержений, например, посредством гипотез *ad hoc*, а реакция на опровержение может порой способствовать развитию теории, т.е. усиливать «ядро» теории и увеличивать исходное знание). Экспериментальные проверки позволяют элиминировать ошибочные допущения. Как отмечал А.Эйнштейн: «Существует физическая реальность, не зависящая от познания и восприятия. Ее можно полностью постичь с помощью теоретического построения, описывающего явления в пространстве и времени; однако обоснованием такого построения является только его эмпирическое подтверждение»⁴. Для гуманитарных же теорий критерий эмпирической проверяемости в большинстве случаев вообще не работает, а иногда и просто абсурдно требовать проверить опытным путем интерпретацию учено-гуманитария.

До сих пор в методологии науки не выработаны универсальные критерии демаркации научного и ненаучного знания. Невозможность установления общепринятых критериев научности привело к тому, что во второй половине XX века «методологический анархизм» в лице П.Фейерабенда саму проблему демаркации объявляет фиктивной. Отсюда следует знаменитый и более чем спорный тезис методологического анархиста: «Позволено все!».

Универсальных принципов научности знания, по всей видимости, вовсе не существует. Но это не означает, что такие принципы не могут существовать и не должны обсуждаться для определенных типов научно-исследовательской деятельности. Научность историографической или педагогической теорий определяется иначе, чем научность теорий, предлагаемых физиками, биологами или химиками. Положение психологии еще более неоднозначно: возникнув в XIX веке как естественная наука, к концу XX века она устойчиво ассоциируется с гуманитарной областью познания, хотя основными методами ее, по сей день, являются методы естественных наук: эксперимент и наблюдение. Психология не является гомогенной наукой, поэтому не может быть причислена только к какому-то одному типу на-

³ *Аллахвердов В.М.* Сознание... – С.102.

⁴ *Эйнштейн А.* Эволюция физики. – М.: 2001. – С.26.

ук. Как верно заметил Р.Смит, «то, что называют психологией – это исключительно пестрое собрание разного рода деятельностей. настолько разнородное, что, вместо истории психологии в единственном числе, следовало бы говорить об истории психологий, во множественном. Возникло такое разнообразие не случайно, оно отражает различия во взглядах на то, какой род знаний о нас самих возможен и важен»⁵. Стоит вспомнить, что с момента возникновения и до начала XX века (когда выходят в свет «Толкование сновидений» З.Фрейда и первый том «Психологии народов» В.Вундта), то есть в начальный этап развития, психология была исключительно фундаментальной наукой, которая строилась и развивалась в русле естественнонаучной методологии. Парадокс состоит не в том, что психология с начала XX века уже и гуманитарная наука, и поэтому в методологическом смысле она не отличается от истории или музыковедения. Парадоксально, что при требовании, которое явно или негласно принимается научным сообществом, а именно требовании эмпирической проверки рациональных положений, психология рассматривается как наука гуманитарная. Разрешение этого парадокса возможно, если определяются методологические принципы, которым должна отвечать не научная дисциплина, а само исследование конкретного феномена. Из этого положения следует, что одно и то же явление может изучаться с опорой на разные методологические принципы. Иначе говоря, *принципы научности определяются при выборе жанра исследования феноменов*. В случае принятия этой позиции становится неуместным разговор о том, какой наукой является психология: гуманитарной, естественной или эмпирической. Психология – не особая, а гетерогенная наука, а точнее, семейство наук. Поэтому разные типы познания соответствуют разным сторонам одного и того же явления, изучаемого психологией. Например, сознание как предмет психологического исследования может изучаться естественнонаучным способом, и в этом случае теоретической реконструкции подлежит *гипотетическая логика работы сознания*, приводящая к осознаваемым переживаниям. Понятно, что теория должна в этом случае экспериментально проверяться. Сознание может изучаться и в гуманитарном ключе. Тогда предметом анализа будет являться уникальный осознанный опыт субъекта, *содержание осознания*. Субъективный опыт осознания в данном случае будет выступать, как считает В.М.Аллахвердов, в качестве своеобразного тек-

ста, требующего интерпретации⁶. Задача эмпирического исследования сознания – *систематизация проявлений сознания или описание его структуры*. Примером решения эмпирической задачи является описание структуры сознания, которое предложил В.А.Ганзен⁷. Все корреляционные и сравнительные исследования в психологии относятся к эмпирическому типу. (Но, конечно, не все эти исследования имеют отношение к психологии сознания). Психосемантические исследования сознания также могут быть отнесены к разряду эмпирических, а не собственно естественнонаучных⁸. Сознание может быть предметом даже логико-математического исследования. Примером этого в психологии являются теоретические построения⁹. Таким образом, те критерии научности, которые действуют в естественных, гуманитарных и эмпирических науках могут применяться при исследовании сознания, но в зависимости от характера той задачи, которую ставит перед собой исследователь.

3. Несмотря на отсутствие единой теории и многообразии интерпретаций понятия сознания, в психологической науке, как правило, факты сознания ассоциируются с осознаваемыми переживаниями. Сознание со времен В.Вундта рассматривают в основном как синоним осознания. Иначе говоря, «сознание» понимается как эмпирический термин, а не как теоретическое понятие. (В этом, возможно, кроется одна из основных методологических проблем, с которыми сталкиваются психологи при построении теории).

Осознание – это феномен, доступный интроспективному анализу, это тот непосредственный опыт, который открывается носителю сознания и сопровождается чувством субъективной очевидности ощущаемого, воспринимаемого, представляемого, мыслимого и т.д. Еще Р.Декарт называл осознанность самым достоверным фактом на свете. Чувство субъективной очевидности происходящего в данный момент времени (здесь и сейчас) является эмпирическим индикатором осознания. Именно субъективная очевидность снабжает человека знанием о том, *что* он в данный момент переживает, и о том, что переживает *он*, а не кто-то за него. Осознание всегда эгоцентрично. (У.Джемсу приписывают фразу: «Проснувшись утром, я не бегу к зеркалу, чтобы узнать, я ли проснулся или кто-то за меня»). Невозможно испытать болевое ощущение, чувство голода, инсайт или уныние «от третьего лица». Поэтому изучение феномена осознания коррелирует с проблемой Я. «Я» имманентно присутст-

⁵ Смит Р. Психология личности как альтернатива естественнонаучной психологии // Человек. – 2000. – №3. – С. 78.

⁶ Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психология. – СПб.: 2000. – С. 88.

⁷ Ганзен В.А. Системные описания в психологии. – Л.: 1984.

⁸ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М.: 1997.

⁹ Лефевр В. Рефлексия. – М.: 2003.

вует в каждом осознанном переживании, во всяком случае, у психически здоровых людей. Таким образом, субъект благодаря чувству субъективной очевидности не может сомневаться в факте наличия в актуальный момент времени некоторых своих осознанных переживаний. Конечно, субъективная очевидность может обманывать, ведь она все-таки субъективная, но сам мир субъективных переживаний для носителя сознания отмечен достоверностью.

Аналогами понятия «осознание» (т.е., терминами, которые вполне можно использовать по соглашению для обозначения сознания в качестве эмпирического феномена) служат довольно часто используемые в психологии понятия: «непосредственная данность», «личный опыт», «субъективное переживание» и т.п. Понятие «осознание» хотя и является эмпирическим, но в отличие от других эмпирических понятий, используемых в психологии, не является частным. Это родовое понятие, обозначающее широкий спектр эмпирических феноменов, относящихся к разным сферам психического, например, к сенсорной, перцептивной, мыслительной сферам или к сферам представления и моторной активности человека. Поэтому данное понятие одинаково уместно использовать и для обозначения фактов осознания тактильного или акустического воздействия, и для наименования результата воспроизведения ранее запомненной информации, и, например, для констатации факта визуального представления какого-либо объекта. Осознание, конечно, может иметь свою специфику, связанную с характером психической активности. Так, осознание при восприятии речи, очевидно, имеет отличие по сравнению с осознанием найденного решения мыслительной задачи или осознанием ошибочности выполненного моторного действия. Вместе с тем, то общее, что роднит осознаваемые переживания независимо от их модальных или иных особенностей, заключается в инвариантном процессе их порождения: *любой эффект осознания есть продукт неосознаваемой деятельности сознания*. Из этого, в частности, следует: для объяснения феномена осознания требуется теоретическая реконструкция неосознаваемой деятельности сознания. Собственно говоря, это достаточно тривиальное соображение, поскольку, понятно, что причинные основания факта, в частности, факта осознания, в самом факте не находятся.

Осознанность – это не только качественный атрибут актуального переживания. (Осознаваемые переживания всегда актуальны, т.к. о работе сознания, производящей их, имеет смысл говорить только в отношении текущего момента времени). Осознанность имеет и количественную меру, поэтому чувство субъективной очевидности

может быть в момент текущего настоящего более или менее выраженным. Иначе говоря, вполне допустимо говорить о степени или интенсивности осознания, но это составляет предмет отдельного разговора. Об осознанных в той или иной мере переживаниях субъект способен дать отчет как о собственном пережитом опыте. Другими словами, осознание допускает вербализацию осознанного: то, что осознанно так или иначе может быть выражено в слове. Данную позицию разделяет, в частности, Э.А.Костандов¹⁰.

Когда сознание называют «центральной тайной человеческой психики» (А.Н.Леонтьев) или «главной загадкой психологии» (В.М.Аллахвердов), то напрашивается вопрос: «В чем эта тайна, в чем эта загадка состоит?» Думаю, что многие согласятся с тем, что главная научная проблема в предметном поле психологии сознания – феномен осознания. Без понимания природы осознания не будут решены и многие частные задачи. Д.Чалмерс прав, расценивая феномен осознания как центральную теоретическую аномалию науки о сознании¹¹. По Чалмерсу, феномены сознательной активности обладают разной степенью сложности. Отсюда и разделение проблем на «легкие» и «трудные». Наиболее «трудная» проблема психологии сознания – это проблема осознанности субъективного опыта. Для объяснения осознания, по мнению Д.Чалмерса, необходим поиск нового подхода, который помог бы устранить существующий «объяснительный пробел». Но что именно требуется объяснить? Какие головоломки следует разрешить? Мне представляется, что важно ответить на следующие вопросы:

○ *Каким образом человек осознает?* Ответ на этот вопрос предполагает описание микрогенеза осознания, т.е. описание логики той неосознаваемой работы сознания, которая предваряет собой и порождает конечный эффект осознания.

○ *Зачем осознавать?* Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют, что человек (= сознание) способен неосознанно воспринимать и эффективно обрабатывать информацию, выполняя сложные когнитивные операции: способен понимать значение слова, не осознавая факта воздействия; одновременно приписывать несколько смыслов одному и тому же стимулу (реализовывать множественное понимание) и даже проявлять доверие или, напротив, недоверие к неосознаваемой информации. Какие же тогда дополнительные когнитивные выгоды дает осознание, притом, что человек много меньше осознает по сравнению с объемом того,

¹⁰ Костандов Э.А. Психофизиология сознания и бессознательного. – М.: 2004. – С.11 – 12.

¹¹ Chalmers D.J. Moving forward on the problem of consciousness // JCS. – 1997. – № 4(1).

что он не осознает? В чем состоит когнитивный смысл осознания и в чем тогда заключен эволюционный замысел явления осознания?

○ *Как происходит сличение воспринятой информации с той, что хранится в памяти?* Проблема сличения – традиционная проблема когнитивистов – является одной из наиболее важных и, вместе с тем, сложных в плане объяснения процесса осознания. Осознание без участия прошлого опыта невозможно. Этот очевидный факт, по сей день, теоретически невозможен. Данный вопрос может быть сформулирован и в других терминах, например, как происходит узнавание (опознание)? Все известные стратегии анализа сличения не дают пока удовлетворительных результатов.

○ *Как происходит взаимодействие осознаваемого и неосознаваемого?* Если относительно влияния не осознанной информации на характер осознания имеется достаточно много экспериментальных данных, то касательно обратного влияния мы имеем гораздо меньше сведений. Не вполне понятен и механизм такого взаимодействия.

4. Понятием «сознание» я предлагаю обозначать мыслимую, гипотетическую систему механизмов, работа которых не осознается, но производит конечные психические продукты – осознаваемые переживания. *Понятие «сознание» является исключительно теоретическим понятием и его использование оправдано лишь в рамках объяснения феномена осознания.* Сознания как реального, эмпирического феномена не существует, если, за феноменом самоочевидности закреплять термин «осознание». В этом смысле, и ни в каком другом, вопрос У.Джемса поставлен правильно. (Снова подчеркну: термины – условность, поэтому вместо «осознания» можно договориться использовать символ X, но тогда сознание обозначать иначе, например, Y или Z).

Целью построения теории сознания является объяснение феноменологии осознания. Ни в каком опыте человек не способен осознать то, как он осознает. Поэтому апелляция к субъективному опыту здесь не помогает. Этот процесс не только «чувственно недоступен», т.е. скрыт от внешнего наблюдения, но и экранирован для самого субъекта психической активности. Иначе говоря, «поток сознания» не осознается. (Хотелось бы избежать оксюморонов, типа «неосознаваемое сознание»). Никакие механизмы сознания не могут быть содержанием «непосредственного опыта». Но только теоретическое описание работы этих механизмов даст возможность понять природу осознания, т.е. объяснить, как человек осознает окружающую действительность и самого себя. Д.Слобин подчеркивал: «Перед любым ученым, изучающим человека и дерзающим выйти за рамки простого описания поведения, стоит проблема постулирования глубинных

структур и процессов, которые могут объяснить несомненно существующие закономерности наблюдаемого поведения»¹². Важно акцентировать внимание на том, что «постулирование глубинных структур и процессов» не есть еще признание их онтологического статуса.

Теория сознания, претендующая на объяснение феноменологии осознания, может быть только естественнонаучного толка. Во-первых, феномен осознания – это природный феномен. Мы не придумывает по собственной воле свою психическую организацию и принципы психического функционирования: это изобретение Природы. Правда, это не отрицает того очевидного факта, что все, что мы знаем и то, что осознаем, обусловлено социокультурными факторами. Содержание опыта осознания зависит от культуры, в то время как само осознание – это природное явление. Во вторых, именно в естественнонаучной исследовательской практике вводятся предположения о ненаблюдаемом для объяснения наблюдаемого. Если само функционирование сознания является неосознаваемой психической активностью, судить о которой возможно только, анализируя эмпирические индикаторы (вербальные реакции, моторные реакции, продукты деятельности и психофизиологические реакции, когда последние рассматриваются исключительно в качестве маркеров психических изменений, предшествующих этим реакциям), если механизмы сознания не являются эмпирическими объектами и не составляют содержание субъективного опыта, то, как существует сознание? Иначе говоря, существует ли в самой реальности, а не в теории то, что не наблюдается и не осознается? Возможны два варианта ответа на этот вопрос.

1) «Сознание» это только теоретическое понятие, которым обозначается не просто абстрактный, но и идеальный объект. Сознание в этом случае существует только в теории. В качестве идеализации сознание способно на выполнение когнитивной деятельности любой сложности. То, что невозможно в осознании, возможно в сознании. Например, сознание способно сверхбыстро решать когнитивные задачи, перерабатывать в текущий момент всю поступающую извне информацию, приписывать одновременно несколько смыслов стимульной информации, автоматически запоминать всю воспринятую информацию. На сознание не наложены никакие ограничения, которые обнаруживаются при осознании. Таким образом, теория сознания должна описывать не эмпирический опыт, т.е. не опыт осознания, а функционирование сознания как идеального объекта с тем, чтобы феномены этого опыта объяснить. Описание логики функциони-

¹² Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. – М.: 2006. – С.21.

рования идеального объекта происходит, таким образом, как если бы он существовал в эмпирической реальности. Хотя надо помнить, что такого рода описание представляет собой логическую модель, соотносимую с реальностью в той мере, в какой она репрезентирует в ней существенное, игнорируя ситуативное. Возможная модель функционирования сознания (модель микрогенеза осознания), включающая в себя описание четырех основных этапов (обнаружение, сличение, принятие решения об осознании, исполнение решения (этап рефлексивного контроля), предложена в работе¹³. Однако сознание – это идеальный объект особого рода. Это не просто абсолютно черная кошка в абсолютно темной комнате. *Сознание как идеализация не имеет своего эмпирического прототипа*, в том смысле в каком точка или прямая линия в качестве идеальных объектов соотносимы с эмпирически наблюдаемыми точками и линиями. Несжимаемая жидкость, математический маятник, идеальный газ или абсолютно черное тело – это образцы мыслимых и предельно возможных значений эмпирически фиксируемых свойств. Сознание эмпирического субъекта не есть эмпирическое явление. Таким явлением выступает осознанность. Сознание проявляется в осознании как время в длительности. Но, пожалуй, наиболее, удачной, хотя и не совсем точной аналогией, поясняющей отношение сознания к осознанию, является отношение языка к речи. Язык выражается в речи, но существует ли язык сам по себе вне речевых форм? Как он существует, если существует независимо от речи? Если сознание понимать как набор правил, по которым происходит осознание, то в каком качестве эти правила существуют? Итак, *сознание в онтологии теории должно составлять оппозицию не бес-сознательному, т.к. сознание и бессознатель-*

ное образуют вместе сферу неосознаваемого, а области осознаваемого опыта.

2) Другой ответ на выше поставленный вопрос, возможно, придаст оптимизма тем, кто верит, что психология еще способна на новые идеи, которые в будущем изменят научную картину психического мира. Возможно, это могли бы быть идеи наподобие тех, которые рождались в физике о природе поля. Красноречиво об этом высказался А.Эйнштейн: «Для физика начала девятнадцатого столетия не существовало поля. Для него были реальными только субстанция и ее изменения. Он старался описать действие двух электрических зарядов только с помощью понятий, относящихся непосредственно к обоим зарядам. Сначала понятие поля было не более, как прием, облегчающий понимание явлений... Наш новый язык – это описание поля в пространстве между зарядами, а не самих зарядов; описание поля существенно для понимания действия зарядов. Признание новых понятий постепенно росло, пока субстанция не была оттеснена на задний план полем. Стало ясно, что в физике произошло нечто весьма важное. Была создана новая реальность... Постепенно и не без борьбы понятие поля завоевало прочное положение в физике и сохранилось в качестве одного из основных физических понятий. Для современного физика электромагнитное поле столь же реально, как и стул, на котором он сидит»¹⁴. Хотелось бы надеяться, что спустя столетие, пусть так и не сумев определить, что такое сознание, мы сможем многое узнать о том, как оно работает, научившись понимать вещи, которые невозможно вообразить.

¹³ Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. – Самара: 2007.

¹⁴ Эйнштейн А. Эволюция физики. – М.: 2001. – С. 145 – 146.

HOW TO STUDY CONSCIOUSNESS?

© 2011 A.Y. Agafonov^o

Samara State University

This article is about the methodological difficulties in investigation of the consciousness phenomenon. According to the declared position the phenomenon of consciousness is considered as the fact of the subjective evidence of mental or psychomotor conditions which are experienced at present time. While the author treats consciousness as a hypothetical system of mental mechanisms. Ways of consciousness of the natural-science model theorizing are made.

Keywords: problem of concepts definition, consciousness, phenomenon of comprehension, mechanisms of consciousness, not-realized, unconscious.

^oAgafonov Andrey Yuryevich, D. Sc. in Psychology, Professor of the General Psychology department E-mail: agafonov@ssu.samara.ru